

УДК 94(470.44)“1918”

И. М. Колозина

Облик революционного Саратова (1918 г.): к вопросу о реализации плана монументальной пропаганды

В статье рассматривается социокультурное развитие провинциального города в первый послереволюционный год. Особое внимание уделяется торжественному проведению первой годовщины Октябрьской революции, установлению памятников и переименованию улиц (в рамках плана монументальной пропаганды). Показана специфика социальной структуры г. Саратова, проанализирован интерес населения к проведенным преобразованиям.

Ключевые слова: Саратов, 1918 г., социокультурное пространство, монументальная пропаганда, памятник А. Н. Радищеву, памятник Н. Г. Чернышевскому, памятник Борцам за свободу 1917 г.

В преддверии 100-летия революции 1917 г., изменившей ход истории России, современное научное сообщество стремится к переосмыслению и объективному анализу событий того времени. Неутраченный интерес к истории Октября и большевизма связан с желанием извлечь исторические уроки, попытками осмысления их причин и сущности.

После прихода к власти в октябре 1917 г. большевикам необходимо было укрепить свое положение, получив поддержку масс. Советы старались легитимировать свое положение не только посредством создания законодательной базы, но и с помощью формирования новой культурной традиции, получившей одно из воплощений в монументальном искусстве. В функционировании культурной сферы городской жизни наряду с художественной темой важную роль стали играть задачи агитационно-пропагандистского и культурно-просветительского характера, отразившиеся в формировании нового социокультурного пространства, включенного в систему государство — общество — культура. Под социокультурным пространством будем понимать органично вписывающуюся в городскую среду систему, сконструированную в результате деятельности социума. В нее входят такие составляющие духовной и социальной жизни города, как городская ментальная среда, учреждения культуры и искусства, визуально-архитектурные и скульптурные объекты. Задачей социокультурного пространства стало создание и сохранение в городе определенной культурной и социальной атмосферы, поддержка материального и духовного функционирования культуры. Все элементы социокультурного пространства города (театры, кинотеатры, цирк, консерватория, музеи, библиотеки, памятники) характеризовались как «монументальное революционно-пролетарское искусство», создаваемое в «процессе общекультурного перелома, творимого революцией» [2, л. 12 об.].

Для наибольшей актуализации и понимания в рабоче-крестьянской среде новых советских идей и ценностей искусство должно было иметь свое яркое визуализированное и материально-вещественное воплощение. Эта задача обусловила активное обращение советской власти к монументальной скульптуре, которая должна была стать проводником идей советской власти, способствовать становлению нового городского пространства, созданию позитивного образа новой власти, воплощению в камне идеи исторической преемственности в борьбе за свободу.

В связи с этим целью статьи является анализ процесса становления и первых попыток реализации плана монументальной пропаганды в провинциальном Саратове в 1918 г.

Интерес к ранней советской культуре и городскому пространству во многом вызван их неоднозначностью, многоплановостью и внутренней противоречивостью. С одной

© Колозина И. М., 2017

стороны, большевики в своей культурной политике имели четко выраженную идею господства пролетариата, с другой — в революционный период существовало множество культурных направлений, связанных с традицией серебряного века. Историографию проблемы можно условно разделить на советскую и современную, охватившую последние двадцать лет. Из советской историографии, несмотря на определенную долю политической ангажированности и идеологизированности, вызывают интерес работы Е. А. Сперанской [19] и В. П. Толстого [20]. Их исследования обладают широким спектром источников, детальностью и большим количеством фактических данных.

В современной историографии можно выделить несколько научно-исследовательских проблем, в которых затрагиваются вопросы изучения культуры, и в частности архитектуры 1917—1920-х гг. Это анализ деятельности советского государства по сохранению памятников старины и формирование советской монументальной культуры.

Сохранение памятников искусства и старины, создание законодательной базы и анализ действий советской власти по охране культурного наследия в первое послереволюционное десятилетие как актуальные темы современного исследования представлены в работах А. М. Кулемзина [9], Н. А. Личак [10] и М. А. Поляковой [15]. Под культурным наследием в этих работах понимаются историко-архитектурные памятники и экспонаты, являющиеся неотъемлемой частью музеев и музейных комплексов.

В то же время советская власть посредством декретов, изданных СНК и подписанных В. И. Лениным, одной из своих задач ставила формирование собственной культуры, составной частью которой стала монументальная пропаганда. Из современных работ, для которых характерно стремление к объективной аналитике и междисциплинарному подходу в изучении научной проблемы, следует выделить исследования А. С. Петровой и Н. В. Шалаевой. В них авторы рассматривают монументальную пропаганду как средство визуализации стратегий в формировании нового городского пространства [14] и репрезентации образа власти [27, 28].

Методологическую базу статьи составили социокультурный подход в историческом исследовании, а также принципы исторической объективности, историко-типологические и историко-системные методы, метод структурного анализа.

Контуры советского монументального искусства («план монументальной пропаганды») были обозначены в законодательных актах советской власти — декрете от 12 апреля 1918 г. «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской Социалистической Революции» [6, с. 3] и утвержденном 2 августа 1918 г. Совнаркомом «Списке предполагаемых к постановке памятников выдающимся деятелям в области общественной и культурной жизни» [7, с. 3], представленном в СНК Отделом изобразительных искусств Наркомпроса, а также в статье А. В. Луначарского «Монументальная агитация» от 3 июля 1918 г., опубликованной сразу в нескольких газетах [11, с. 5].

Особую роль в формировании монументальной пропаганды сыграл В. И. Ленин, которому принадлежит не только сам термин «монументальная пропаганда», но и идея. Формат статьи, к сожалению, не позволяет полностью осветить этот вопрос. Но необходимо отметить, что роль Ленина в зарождении, развитии и реализации монументальной пропаганды была рассмотрена как в советской, так и современной историографии. Еще в 1970-е гг. в работах А. А. Стригалева [17] и В. В. Шлеева [29], а затем в 2015 г. в докторской диссертации и статьях Н. В. Шалаевой [26; 27; 28] затрагивались вопросы зарождения идеи монументальной пропаганды, места и времени встречи В. И. Ленина и А. В. Луначарского, когда она была сформулирована Председателем СНК. Шалаева, основываясь на анализе биографической хроники В. И. Ленина, архивных источников

и источников личного происхождения, обращает внимание на то, что встреч было несколько. Главный вывод, к которому приходит исследователь, — спонтанность и непродуманность идеи монументальной пропаганды [28, с. 111—123], не говоря уже о ее ярко выраженном агитационно-пропагандистском характере. Поэтому теоретическая разработка и фактическая реализация плана монументальной пропаганды были достаточно длительными и трудоемкими, существовали разные проблемы и противоречия в его осуществлении [27; 28].

Основные трудности в реализации плана монументальной пропаганды в Саратове были связаны как с объективными, так и субъективными причинами. Необходимо выделить две, пожалуй, главенствующие: отсутствие средств на новые памятники и низкий интерес жителей города к городским новшествам. Если первая во многом объяснялась Гражданской войной, экономическим кризисом, который затронул и Саратов, то вторая заставляет нас обратиться к вопросам социального состава населения поволжского города. План монументальной пропаганды, как и развитие всей советской культуры первого послереволюционного десятилетия, в своей основе были ориентированы на рабоче-крестьянское население. Саратов имел свою специфику социальной структуры. Так, например, по переписи населения 1920 г. удельный вес рабочих достигал 30% от самодеятельного населения города, а удельный вес служащих вместе с «лицами свободных профессий» (37%) и удельный вес «хозяев», т.е. людей, имевших частную собственность и капитал (9,6%), составили 46,6% населения [12, с. 16—20]. Это почти половина самодеятельного населения, которая проявляла равнодушие и отсутствие интереса к мероприятиям советской власти по установке памятников. Например, в воспоминаниях и дневниках саратовцев этого периода описывается Пасха, которая совпала в 1918 г. с 1 мая, а праздник Октября вообще не упоминается [18, с. 10].

К празднованию первой годовщины Октябрьской революции было приурочено торжественное открытие памятников в Саратове и других провинциальных городах, что должно было свидетельствовать о принятии советской власти населением, о продуктивной деятельности местной власти по включению провинции в единую с центром систему формирования пролетарской культуры и посредством нее активном воздействии на общество. Е. А. Сперанская в быстром исполнении идеи монументальной пропаганды в провинции видит тесную связь «между духовной жизнью центральных городов и периферии» [19, с. 141].

В Саратове в 1918 г. было поставлено 3 памятника — А. Н. Радищеву (скульптор П. Ф. Дундук, эскизы П. К. Ершова), Н. Г. Чернышевскому (скульптор П. Ф. Дундук), Борцам за свободу 1917 г., или Жертвам революции (скульптор неизвестен). А. Н. Радищев и Н. Г. Чернышевский были включены в список Совнаркома, о них говорилось и в статье А. В. Луначарского, что значительно упростило Саратовскому исполнительному комитету Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов (далее — Саратовский исполком) и Отделу искусств задачу реализации плана монументальной пропаганды в городе и проблему выбора лиц, достойных установки скульптурных портретов.

Для саратовских большевиков особый смысл и символика постановки памятников А. Н. Радищеву и Н. Г. Чернышевскому определялись тем, что оба писателя-революционера являлись выходцами из саратовских мест. А. Н. Радищев был саратовским помещиком, владел имением в Малосердобском уезде (сегодня это район Пензенской области). А внук А. Н. Радищева А. П. Боголюбов — художник-маринист и известный меценат-коллекционер — основал в Саратове в 1885 г. первый в России публичный художественный музей, дав ему имя своего великого деда. Н. Г. Чернышевский родился и вырос в Сарато-

ве, хотя свою известность приобрел как соредактор журнала «Современник». В Саратове находится могила писателя, здесь и сегодня живут его потомки.

Памятники, поставленные А. Н. Радищеву и Н. Г. Чернышевскому, а также Борцам за свободу 1917 г. в первую годовщину Октября, формировали особый культ саратовских героев и создавали определенную линейность в советском историко-культурном развитии. В журнале «Художественные известия» в преддверии открытия памятников были опубликованы статьи, рассказывающие о великих саратовцах, внимание читателей акцентировалось на важности их деятельности, влиянии на революцию и связь с народом: «Имя Радищева не встретить в списке не могли... Саратов — старый революционер, он еще в 1885 г. поставил достойный памятник А. Н. Радищеву — этому одиночке, бунтарю, мыслителю свободы...» [22, с. 3—4]. В статье, посвященной Н. Г. Чернышевскому, говорилось, что его заслуги «известны всякому мало-мальски грамотному человеку, а саратовцу в особенности... Если сам народ дерзнул повенчать себя на царство, то борцы за этот народ имеют право рассчитывать занять царские постаменты» [23, с. 4].

Торжественное открытие памятников было включено в праздничную программу первой годовщины Октябрьской революции. В начале октября как в столице, так и в провинции были созданы специальные комиссии по подготовке и проведению торжества. В Саратове Центральная художественно-декоративная комиссия «Юбилей революции» располагалась в Отделе искусств. Подготовка из-за сжатых сроков шла напряженно, комиссия заседала ежедневно по вечерам [23, с. 2]. Всем драматическим и музыкальным организациям предписывалось принять участие в праздновании и предоставить свои проекты в Отдел до 1 ноября, чтобы включить их в окончательный план мероприятия; театры и кинотеатры должны были украсить свои здания плакатами и полотнищами с революционной символикой, а также провести бесплатные спектакли и сеансы 7 и 8 ноября. Особое внимание большевики уделяли декоративному и скульптурному оформлению города. Так, под воздействием активной идеологической и агитационно-пропагандистской работы к празднику изготовили более 2000 плакатов, эмблем и знамен. На заседаниях комиссии еще раз рассмотрели план по реализации монументальной пропаганды в городе и приняли решение без проведения всеобщего конкурса заключить договор со скульптурной секцией Союза художников о создании и установке выбранных памятников [3, л. 85—86].

На страницах местных газет Саратовский исполком и Саратовский городской комитет РКП(б) регулярно публиковали информацию о ходе подготовки к празднованию первой годовщины Октября. При этом органы государственной власти Саратова стремились показать всеобщее желание граждан приобщиться к изменившейся действительности, продемонстрировать их участие в торжественных государственных мероприятиях. Под влиянием деятельности государственной комиссии по подготовке праздника, созданной в начале осени 1918 г. в Москве и по ее рекомендации, всем местным органам власти было рекомендовано активно привлекать деятелей искусств, что и было отражено на страницах местной печати: «На долю художников выпала большая честь быть выразителем чувств всех честных и любящих свое социалистическое отечество граждан по случаю годовщины октябрьской пролетарской революции» [16, с. 3]. В реальности же активность проявляла только небольшая часть населения города и части Красной Армии, которые были расквартированы в Саратове в период военных действий.

Не все скульптуры удалось выполнить в назначенный срок [3, л. 85—86; 22 с. 3], к тому же установка памятников осуществлялась за счет местного бюджета [4, л. 29]. Ввиду отсутствия средств и сжатых сроков исполнения постановления СНК все три памятника были изготовлены из непрочных и недолговечных материалов (железный каркас

(рельс) и бетон, цемент и алебастр, дерево) в довольно короткий период и ставились как временные. Сам процесс подготовки к празднику, указания и рекомендации Отдела искусств подведомственным учреждениям, план мероприятий активно освещались в местной прессе [21, с. 13; 23, с. 2; 24, с. 2].

Открытие памятников стало кульминацией праздничной программы. Сценарий празднования годовщины Октября был типичный и повторял сценарий столиц. После общего митинга на Московской площади (сегодня это пересечение улиц Астраханской и Московской — с 1924 до 1993 г. улица и проспект В. И. Ленина), находившейся на территории Саратовского Николаевского университета (с 1923 г. университет им. Н. Г. Чернышевского), красочно организованные колонны проследовали к месту открытия памятника Н. Г. Чернышевскому (Соборная площадь — с 1927 г. площадь Н. Г. Чернышевского), затем А. Н. Радищеву (ул. Никольская — с 1927 г. ул. А. Н. Радищева) и Борцам за свободу (сквер на Театральной площади — с 1918 г. до 1993 г. площадь Революции).

Памятник-бюст Н. Г. Чернышевскому (рис. 1), задрапированный материей, украшенный красными лентами и гирляндами зелени, предстал перед многочисленными рабочими организациями, «десятками тысяч революционеров, последователей великого Н. Г. Чернышевского» [5, с. 29]. Местная пресса, освещая «Красный день», охарактеризовала исполнение памятника как «достаточно удовлетворительное» [5, с. 29; 21, с. 5]. Н. М. Чернышевская — внучка писателя-революционера вспоминала: «Скульптурный портрет изображал Чернышевского в старости и был скромен, но удивлял поразительным сходством с оригиналом... И хотя пьедестал был велик и наряден для небольшого скромного бюста, саратовцы приняли памятник с уважением, как все, что было связано с именем великого революционера-демократа» [13, с. 191].

Постановлением Саратовского исполкома от 9 сентября 1918 г. было решено установить бюст Чернышевского на бывшем гранитном пьедестале императора Александра II — «коронованного преступника» [8, с. 3; 3, л. 86]. По официальным сведениям, саратовцы встретили «свержение» бронзовой фигуры императора воодушевленно. «На площади вечером собиралась толпа любопытных... Удары молотков, шум толпы и веселые возгласы серых фигур, со всех сторон оцепивших громаду, задорно разносились в воздухе» [8, с. 3]. «Мимо памятника проходил красноармейский отряд... Отчеканивая шаг под музыку, красноармейцы не могли удержаться от улыбки и не проводить взглядом распластавшегося на бревнах венценосца» [13, с. 190].

Рис. 1. Памятник Н. Г. Чернышевскому

Расположенный в центре города памятник стал символом саратовской революции, местом проведения митингов и массовых собраний. В 1935 г. бюст Чернышевского был случайно разрушен, и только в 1953 г. к 125-летию со дня его рождения был установлен на том же постаменте новый памятник, ставший символом г. Саратова (скульптор А. П. Кибальников и архитектор Н. П. Гришин).

По решению Саратовского исполкома и Отдела искусств памятник А. Н. Радищеву (рис. 2) был открыт перед художественным музеем, уже носившим его имя, — первым публичным музеем в России, основой которого стала коллекция его внука А. Боголюбова. Памятник дополнил культурно-художественный ансамбль небольшой площадки перед зданием музея.

Рис. 2. Памятник А. Н. Радищеву

Образ А. Н. Радищева должен был стать символом борьбы за свободу, олицетворением новой жизни освобожденной страны. Скульптурный монумент получил название «Свобода» и представлял собой символическую композицию: фигуру человека, стоящего на груде развалин и разрывающего цепи. Сама концепция памятника характеризовалась отходом от традиционных форм и имела вполне интересный замысел. Но при этом памятник оказался достаточно сложным для восприятия горожан. Уже в 20-х числах ноября 1918 г. в журнале «Художественные известия» вышла статья художника М. А. Арутчева с критикой памятника, как «не имеющего никакого отношения к искусству» [25, с. 4]. Особо подчеркивалось отсутствие гармонии форм, связи громоздкой фигуры с постаментом и с землей, несоответствие отдельных частей. Автор писал, что «лучше бы вовсе не утверждать его на площади, чем нарушать общий красочный фон праздника таким, в конце концов, уродливым явлением», и предложил закрыть памятник досками или снести его совершенно [25, с. 4—5]. По мнению Арутчева, спасает положение только то, что памятник изначально характеризовался как временный. Так как у городской власти в данный период не было средств и возможности заниматься преобразованием или сносом памятника, то он простоял еще три года и в 1921 г. разрушился сам из-за некачественного материала.

Памятник-обелиск Борцам за свободу 1917 г. (Жертвам революции) (рис. 3) был связан уже с новейшей историей России, с подавлением майского мятежа 1918 г. и борьбой с контрреволюцией. Этот монумент был поставлен на братской могиле борцов револю-

ции. 26 мая 1918 г. здесь похоронили 11 человек, в том числе командира красногвардейского отряда, члена Саратовского исполкома И. Полищука, позже в общей могиле было погребено еще десять человек. Памятник-обелиск стал материальным воплощением преклонения и воспоминания о павших бойцах. На ступенчатом постаменте установлен деревянный обелиск, на самом верху которого были три скрещивающиеся винтовки с выдвинутыми штыками, держащие солдатскую каску. По своему художественному решению обелиск был траурно-лаконичен.

Рис. 3. Памятник Борцам за свободу 1917 г.

Местная печать назвала его едва ли не лучшим, «что можно создать спешно на временный срок» [25, с. 5]. Обелиск, получив признание общества, «служил на протяжении многих лет своего рода городским центром, к которому в праздничные и траурные дни стекались массы демонстрантов» [19, с. 142]. В 1925 г. монумент был перенесен в середину площади Революции, где простоял до 1934 г. События, запечатленные в памятнике-обелиске Борцам за свободу 1917 г., имели большое значение для формирования советского мировоззрения, и сохранение их «в исторической и культурной памяти людей чрезвычайно важно для власти» [28, с. 111].

План монументальной пропаганды, направленный на формирование нового городского пространства, был связан с еще одним аспектом — переименованием улиц в городах и населенных пунктах. Согласно декрету «О памятниках республики», постановившему произвести «замену надписей, эмблем, названий улиц, гербов и т.п. новыми, отражающими идеи и чувства революционной трудовой России» [6, с. 3], 19 сентября 1918 г. Саратовский совет городских комиссаров принял решение о переименовании ряда улиц города. Справедливости ради необходимо заметить, что процесс переименования улиц начался сразу же после февральских событий 1917 г. По решению городской думы в марте 1917 г. Немецкая улица была переименована в улицу Республики.

Как и во всех городах России, улицы имели географические, «царские» и религиозные названия и напоминали о старом режиме и угнетении пролетариата, а новые названия должны были соответствовать новому строю, символизировать советские идеалы и ценности, прославлять героев революции. Так, к первой годовщине Октября в Саратове прошли массовые переименования 9 улиц, 1 переулка и 1 площади. Например, Большая Сергиевская улица была переименована в улицу Н. Г. Чернышевского, Губернаторская — в Степана Разина, Дворянская в Крестьянскую, а позднее в Рабочую, Жандармская — в Красную, Столыпинский переулок — в Трудовой, Театральная площадь — в площадь Революции и т.д. В последующие годы переименования проходили уже реже и связывались

с памятными событиями или датами, увековечением памяти партийных и государственных деятелей.

Новые названия улиц долгое время в общении простых граждан или в справочниках использовались совместно со старыми, употреблялось двойное название или слово «бывшая». Например, в альманахе-справочнике «Весь Саратов» за 1925 г. указывалось, что Дом-музей Чернышевского находился на «ул. Чернышевского (быв. ул. Большая Сергиевская)», а Радищевский музей и канцелярия Губернского музея на «Театральной площади», хотя она уже была площадью Революции [1, с. 387—389]. Только к началу 1930-х гг. саратовцы привыкли к советским названиям и стали в них ориентироваться.

В заключение необходимо отметить, что монументальное искусство внедрялось городской властью в соответствии с установленным планом монументальной пропаганды. В это время обозначилась двойственность советской политики в области культуры. С одной стороны, новая власть стремилась сохранить памятники старины, с другой — активно разрушала их, особенно те, что касались памяти царей и государственных деятелей имперской истории. Постановка новых памятников способствовала формированию нового городского пространства, которое постепенно входило в сферу повседневной жизни горожан. Памятники и таблички с названиями улиц воздействовали «на зрителя в моменты их повседневной жизни, в часы пребывания на улице» [28, с. 189], были маркерами изменений в жизни советской России и провинциальных городов. Площадки около памятников становились важным культурным и социально-политическим центром — местом проведения новых советских ритуалов (общественных собраний, демонстраций, школьных линеек и т.д.). Созданные монументальные произведения 1918 г. в первую очередь были адресованы пролетариату и служили прославлению деятельности партии, формировали «правильные» для власти «представления о революции и гражданской войне как истоках советского государства, связанных с прошлыми идеями борьбы за свободу» [28, с. 108]. Монументальное искусство Саратова выполняло основные задачи плана монументальной пропаганды, визуально воздействующей на человека, формирующей идею культурно-исторической преемственности эпох, способствовало легитимному обоснованию власти большевиков, включению новых идеалов и ценностей в городскую культуру.

Список использованных источников и литературы

1. Весь Саратов. Альманах-справочник на 1925 год / под ред. Д. М. Борисова. Саратов, 1926. 531 с.
2. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. Р-329. Оп. 1. Д. 160.
3. ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 112.
4. ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 236.
5. Горнило. 1918. № 5—6.
6. Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (Известия ВЦИК). 1918. № 74.
7. Известия ВЦИК. 1918. № 163.
8. Известия Саратовского губернского исполкома совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Саратовские известия). 1918. № 197.
9. Кулемзин А. М. К толерантности без монументальной пропаганды // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2008. № 5. С. 4—6.
10. Личак Н. А. Понятие «памятник искусства и старины» в законодательстве Советской России в 1920—1930-е гг. // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 4. С. 306—311.
11. Луначарский А. В. Монументальная агитация // Известия ВЦИК. 1918. № 136. С. 5.
12. Население городов Саратовской губернии в 1923 г. / предисл. В. И. Серебрякова. Саратов, 1924. 83 с.
13. Первые памятники Н. Г. Чернышевскому в Саратове // Волга. 1979. № 11. С. 188—191.
14. Петрова А. С. Визуальные стратегии в советской культуре 1920—1930-х годов на материалах культурной истории города Иванова // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки». 2010. Т. 1, № 1. С. 11—18.

15. Полякова М. А. Охрана культурного наследия России : учеб. пособие для вузов. М. : Дрофа, 2005. 271 с.
16. Саратовские известия. 1918. № 235.
17. Стригалева А. А. К истории возникновения ленинского плана монументальной пропаганды (март — апрель 1918 г.) // Вопросы советского изобразительного искусства и архитектуры. М., 1976. С. 97—129.
18. Ситников В. Н. Пережитое. Дневник Саратовского обывателя. 1918—1931 гг. Саратов, 1999. 96 с.
19. Сперанская Е. А. Материалы к оформлению первых революционных празднеств в Саратове и Нижнем Новгороде // Агитационно-массовое искусство первых лет Октября: Материалы и исследования. М., 1971. С. 134—161.
20. Толстой В. П. У истоков советского монументального искусства. М. : Изобразительное искусство, 1983. 240 с.
21. Художественные известия. 1918. № 1.
22. Художественные известия. 1918. № 3.
23. Художественные известия. 1918. № 10.
24. Художественные известия. 1918. № 11.
25. Художественные известия. 1918. № 17.
26. Шалаева Н. В. Становление плана монументальной пропаганды в Советской России. 1917—1918 годы [Электронный ресурс] // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2014. № 8 (337). С. 18—24.
27. Шалаева Н. В. План советской монументальной пропаганды: проблемы реализации. 1918—1921 годы [Электронный ресурс] // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2014. № 8 (337). С. 30—35.
28. Шалаева Н. В. Формирование образа советской власти в российском обществе в 1917—1920-х гг.: социокультурный аспект : дис... д-ра ист. наук. Саратов, 2014. 445 с.
29. Шлеев В. В. В. И. Ленин и изобразительное искусство. М., 1977. 552 с.

Поступила в редакцию 07.03.2017

Колозина Ирина Михайловна, аспирант
Саратовский государственный аграрный университет им. Н. И. Вавилова
Российская Федерация, 410012, г. Саратов, Театральная площадь, 1
E-mail: Irina_Truhacheva_062111@mail.ru

UDK 94(470.44)“1918”

I. M. Kolozina

The shape of the revolutionary Saratov (1918): to the implementation of monumental propaganda plan

The article considers the socio-cultural development of a provincial city in the first post-revolutionary year. Special attention is paid to solemn holding of the first anniversary of the October Revolution, erecting of monuments and renaming of streets (within the plan of monumental propaganda). The author shows the specifics of the social structure of the city of Saratov and analyzes the interest of the population in the conducted transformations.

Key words: Saratov, 1918, socio-cultural space, monumental propaganda, a monument to A. N. Radishchev, a monument to N. G. Chernyshevsky, a monument to the Fighters for Freedom of 1917.

Kolozina Irina Mikhailovna, Postgraduate student
Saratov State Agricultural University named after the N. I. Vavilov
Russian Federation, 410012, Saratov, Theater Square, 1
E-mail: Irina_Truhacheva_062111@mail.ru

References

1. Borisov D. M., ed. *Ves' Saratov. Al'manakh-spravochnik na 1925 god* [All Saratov. Almanac-reference book for 1925]. Saratov, 1926. 531 p. (In Russian)
2. *Gosudarstvennyi arkhiv Saratovskoi oblasti* [State Archive of the Saratov Region] (GASO). F. R-329. Op. 1. D. 160.
3. GASO. F. R-521. Op. 1. D. 112.
4. GASO. F. R-521. Op. 1. D. 236.
5. *Gornilo*, 1918, no. 5—6.
6. *Izvestiya Vserossiiskogo Tsentral'nogo Iсполnitel'nogo Komiteta* (Izvestiya VTsIK), 1918, no. 74.
7. *Izvestiya VTsIK*, 1918, no. 163.
8. *Izvestiya Saratovskogo gubernskogo ispolkoma soveta rabochikh, krest'yanskikh i krasnoarmeiskikh deputatov (Saratovskie izvestiya)*, 1918, no. 197.
9. Kulemzin A. M. K tolerantnosti bez monumental'noi propagandy [To tolerance without monumental propaganda]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2008, no. 5, pp. 4—6. (In Russian)
10. Lichak N. A. Ponyatie “pamyatnik iskusstva i stariny” v zakonodatel'stve Sovetskoi Rossii v 1920—1930-e gg. [The concept of “a monument of art and antiquity” in the legislation of Soviet Russia in 1920—1930-ies]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*, 2015, no. 4, pp. 306—311. (In Russian)
11. Lunacharskii A. V. Monumental'naya agitatsiya [Monumental agitation]. *Izvestiya VTsIK*, 1918, no. 136, pp. 5. (In Russian)
12. *Naselenie gorodov Saratovskoi gubernii v 1923 g.* [The population of the cities of the Saratov province in 1923]. Saratov, 1924. 83 p. (In Russian)
13. Pervye pamyatniki N. G. Chernyshevskomu v Saratove [The first monuments to N. G. Chernyshevsky in Saratov]. *Volga*, 1979, no. 11, pp. 188—191. (In Russian)
14. Petrova A. S. Vizual'nye strategii v sovetskoj kul'ture 1920—1930-kh godov na materialakh kul'turnoi istorii goroda Ivanova [Visual strategies in the Soviet culture of 1920—1930-ies on the materials of the cultural history of the city of Ivanov]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Seriya “Gumanitarnye nauki”*, 2010, vol. 1, no. 1, pp. 11—18. (In Russian)
15. Polyakova M. A. *Okhrana kul'turnogo naslediya Rossii* [Protection of the cultural heritage of Russia]. Moscow, Drofa Publ., 2005. 271 p. (In Russian)
16. *Saratovskie izvestiya*, 1918, no. 235.
17. Strigalev A. A. K istorii vozniknoveniya leninskogo plana monumental'noi propagandy (mart — april' 1918 g.) [To the history of the appearance of the Leninist plan for monumental propaganda (March — April 1918)]. *Voprosy sovetskogo izobrazitel'nogo iskusstva i arkhitektury*. Moscow, 1976, pp. 97—129. (In Russian)
18. Sitnikov V. N. *Perezhitoe. Dnevnik Saratovskogo obyvatelya. 1918—1931 gg.* [The experienced. Diary of the Saratov philistine. 1918—1931]. Saratov, 1999. 96 p. (In Russian)
19. Speranskaya E. A. Materialy k oformleniyu pervykh revolyutsionnykh prazdnestv v Saratove i Nizhnem Novgorode [Materials for the design of the first revolutionary festivals in Saratov and Nizhny Novgorod]. *Agitatsionno-massovoe iskusstvo pervykh let Oktyabrya: Materialy i issledovaniya* [Agitation-mass art of the first years of October: Materials and research]. Moscow, 1971, pp. 134—161. (In Russian)
20. Tolstoy V. P. *U istokov sovetskogo monumental'nogo iskusstva* [The origins of Soviet monumental art]. Moscow, Izobrazitel'noe iskusstvo Publ., 1983. 240 p. (In Russian)
21. *Khudozhestvennye izvestiya*, 1918, no. 1.
22. *Khudozhestvennye izvestiya*, 1918, no. 3.
23. *Khudozhestvennye izvestiya*, 1918, no. 10.
24. *Khudozhestvennye izvestiya*, 1918, no. 11.
25. *Khudozhestvennye izvestiya*, 1918, no. 17.
26. Shalaeva N. V. Stanovlenie plana monumental'noi propagandy v Sovetskoi Rossii. 1917—1918 gody [Formation of a plan for monumental propaganda in Soviet Russia. 1917—1918]. *Magistra Vitae: elektronnyi zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii*, 2014, no. 8 (337), pp. 18—24. (In Russian)
27. Shalaeva N. V. Plan sovetskoi monumental'noi propagandy: problemy realizatsii. 1918—1921 gody [The plan of Soviet monumental propaganda: implementation problems. 1918—1921]. *Magistra Vitae: elektronnyi zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii*, 2014, no. 8 (337), pp. 30—35. (In Russian)
28. Shalaeva N. V. *Formirovanie obraza sovetskoi vlasti v rossiiskom obshchestve v 1917—1920-kh gg.: sotsiokul'turnyi aspekt: dis... d-ra ist. nauk* [Formation of the image of Soviet power in Russian society during 1917—1920: sociocultural aspect. Dr. Dis.]. Saratov, 2014. 445 p. (In Russian)
29. Shleev V. V. *V. I. Lenin i izobrazitel'noe iskusstvo* [V. I. Lenin and the Fine Arts]. Moscow, 1977. 552 p. (In Russian)